

В. А. Горбунова

Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

E-mail: englgreen@gmail.com

ТИПОВЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТРУКТУРЫ ДВИЖЕНИЯ В «ПАРЕНЕСИСЕ» ЕФРЕМА СИРИНА

На материале текста сборника назидательных слов Ефрема Сирина (список XIV в.) рассматривается система динамических пространственных отношений в церковнославянском языке в сопоставлении с современным русским; описываются механизмы метафоризации, приводящие к переосмыслению пространственной семантики синтаксических конструкций.

Ключевые слова: моделирование простого предложения, типовая синтаксическая структура, пространственные отношения, церковнославянский язык.

«Паренесис» Ефрема Сирина – сборник, сложившийся на славянской почве в X–XI вв. на основе компиляции переводов назидательных слов богослова с древнегреческого, – представляет большой интерес для лингвистических исследований. Анализ его языковых особенностей на разных уровнях может дать новые сведения о системе церковнославянского языка, которая в эпоху создания «Паренесиса» находилась еще на этапе становления. Кроме того, широкая популярность и авторитетность «Паренесиса» в Древней Руси позволяет предположить, что его влияние на более поздние произведения не исчерпывалось цитированием и заимствованием идей и мотивов, но распространялось также на формирующиеся литературные и стилевые нормы. Текстологические и языковые особенности памятника получили освещение в работах И. И. Срезневского [1867], О. Ф. Жолобова [2006], И. К. Огрен [1989; 1991], М. О. Новак [2008], Л. А. Москалевой [2006].

В данной статье мы рассмотрим простые предложения, которые репрезентируют типовую синтаксическую структуру с семантикой движения. Под типовой синтаксической структурой (ТСС) мы понимаем

устойчивые, регулярно воспроизводимые конструкции с прототипической семантикой, которые могут находить выражение как в элементарных (ЭПП), так и неэлементарных (неЭПП) предложениях [Кошкарёва, 2007].

ТСС движения, выражающая идею изменения положения субъекта в пространстве, имеет общий вид $N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} Lex^{D-S} Lex^{D-F} Lex^{TrLoc} (N_i^{Instr})$ и включает следующие компоненты: N_{Nom}^{Ag} (имя в именительном падеже) – субъект-агента, осуществляющий движение, V_f^{Mot} (глагол в личной форме) – глагол движения, Lex^{D-S} , Lex^{D-F} , Lex^{TrLoc} (лексемы разной частеречной принадлежности с пространственной семантикой) – различные типы пространственных сирконстантов, указывающие на начальную (директив-старт, делокатив), конечную (директив-финиш, адлокатив) точки движения, а также на трассу (транслокатив); N_i^{Instr} (имя в любом падеже) обозначает средство передвижения, при помощи которого совершается движение.

Исследование проводилось на материале выборки из первых двадцати слов «Паренесиса» (около 250 примеров), текст которого приводится по Троицкому списку середины

XIV в. (Паренесис Ефрема Сирина. РГБ. Тр. 7. 246 л.).

Изосемические реализации ТСС движения

Наиболее частотно и нейтрально пространственное значение данного типа ТСС реализуется в *физической* сфере, когда позиции локализаторов заполняются пространственными и предметными именами, в роли субъекта выступает лицо или предмет, а предикат выражен глаголом движения. В «Паренесисе» позиции предиката и актантов в этом круге примеров замещаются, как правило, изосемически. Субъекты представлены наименованиями лиц и одушевленных существ (ѿрна, конь), а в качестве предикатов употребляются глаголы следующих семантических классов:

- глаголы собственно движения: ити, тѣщи, грати, стати и др.;
- глаголы однонаправленного движения: нзонти/ниходити, отонти, прити, конти, сонти, обниходити, взвратитисѧ, ѿстѣпити, ѿзѧтитисѧ, избегнѣти, спѧтити, припѧтити, нагѣпатити, взвръщисѧ¹, ѿбратисѧ и др.

Позиции локализаторов заполняются именами собственными – обозначениями географических пространств (Амликъ) и именами с конкретно-вещественной семантикой (чина, змий, дѣръ). Именно предложно-падежные формы существительных в сочетании с приставочными глаголами движения наиболее регулярно используются в памятнике для обозначения пространственных отношений; напротив, конструкции с первичными наречиями (ѿмо, ѿгудѣ, ѿтѣда), которые являются другим распространенным средством выражения локуса в церковнославянском языке, практически не представлены.

В сфере динамических локативных ЭПП основной оппозицией является оппозиция ЭПП с семантикой направленного движения (т. е. движения, которое характеризуется относительно его начальной и конечной

точек и трассы) и с семантикой ориентированного движения (т. е. движения, которое описывается относительно некоторой точки, не являющейся точкой его начала или завершения, так называемого ориентира). В памятнике представлены в основном модели направленного движения, в которых помимо отдельных случаев (они будут оговорены особо) замещенной оказывается только одна из сирконстантных позиций – адлокатива или делокатива.

При описании семантики конкретных примеров мы будем опираться на предложенный И. А. Мельчуком список основных возможных способов реализации локализации: ‘в’ – ИН-; ‘на’ – СУПЕР-; ‘под’ – СУБ-; ‘перед’ – АНТЕ-; ‘сзади’ – ПОСТ-; ‘на боку’ – АД-; ‘у / около’ – АПУД-; ‘вокруг’ – ЦИРКУМ-; ‘между / среди’ – ИНТЕР- [1998. С. 54]. Соответственно, принимая во внимание различия делокативной и адлокативной семантики, мы можем выделить следующие модели направленного движения (см. таблицу).

Оппозиции, которые лежат в основе данной классификации, достаточны для характеристики большей части реализаций ТСС движения в «Паренесисе», однако отдельные примеры будут требовать более детального описания семантики.

В памятнике конструкции с *собственно пространственным* значением представлены достаточно широко, однако не являются преобладающим типом реализаций ТСС движения. Ниже мы рассмотрим различные структурные варианты модели и круг выражаемых ими значений.

1. Адлокативные предложения, в которых заполнена позиция директива-финиша, указывающая на конечную точку движения. Это наиболее многочисленная в тексте памятника группа примеров, представленная предложениями иллативной, суперлативной, апудлативной и адлативной семантики. Основными средствами выражения пространственных отношений в данной группе являются:

а) имена в винительном падеже с предлогами *вз* и *на*:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \text{вз} N_{Acc}^{D-F}$ (иллативное значение): Да не спидеши *вз* глѣбинѣ тако и камень ‘Да не сойдешь в глубину, как камень’; тѣщи *вз* ѿборъ ‘Беги в собор’; нагѣ нынѣ *в* домъ

¹ *Въврещисѧ* – кинуться, броситься [СРЯ, 1975. Вып. 2. С. 248].

Модели направленного движения

Локализация		Движение	
		к конечной точке – <i>латив</i>	из исходной точки – <i>аблатив</i>
‘внутри’	<i>ин-</i>	<i>иллативная</i> ‘движение внутрь локуса’	<i>инаблативная</i> ‘движение изнутри локуса’
‘на’	<i>супер-</i>	<i>суперлативная</i> ‘движение на верхнюю поверхность локуса’	<i>супераблативная</i> ‘движение с верхней поверхности локуса’
‘под’	<i>суб-</i>	<i>сублативная</i> ‘движение под нижнюю часть локуса’	<i>субаблативная</i> ‘движение из-под нижней части локуса’
‘сбоку’	<i>ад-</i>	<i>адлативная</i> ‘движение к боковой поверхности локуса’	<i>адаблативная</i> ‘движение от боковой поверхности локуса’
‘сзади’	<i>пост-</i>	<i>постлативная</i> ‘движение с задней стороны локуса’	<i>постаблативная</i> ‘движение от задней стороны локуса’
‘перед’	<i>анте-</i>	<i>антелативная</i> ‘движение по направлению к передней стороне локуса’	<i>антеаблативная</i> ‘движение от передней стороны локуса’
‘около’	<i>апуд-</i>	<i>апудлативная</i> ‘движение по направлению к пространству, находящемуся около локуса’	<i>апудаблативная</i> ‘движение от пространства, находящегося около локуса’

мои тоць ‘Иду теперь в дом мой с пустыми руками’;

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} на N_{Acc}^{D-F}$ (суперлативное значение): *вззвратитѣ тѣ на постелью свою* ‘Спеша вернуться на свою постель’; [*Се дахъ влмз влать*] *наступати на зьмни и скорпионна* ‘Если [он] дал вам силу наступать на змея и скорпиона’;

б) имена в дательном падеже с предлогами *кз*, *взслѣдз* и *в срѣтеньє*:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} кз N_{Dat}^{D-F}$ (адлативное значение): *И припадаю кз дверемъ влѣкы моего* ‘И припадаю к дверям моего владыки’.

В следующих двух примерах значение ЭПП близко к апудлативному, однако осложняется за счет дополнительных оттенков смысла, которые вносят производные предлоги *взслѣдз* и *в срѣтеньє*, характеризую локализатор как динамическую точку:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{D-F}$ (значение ‘движение по направлению к локусу, движущемуся в том же направлении’): *И взслѣдз мене да идетъ* ‘И пусть идет вслед мне’;

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Dat}^{D-F}$ (значение ‘движение по направлению к локусу, движущемуся в обратном направлении’): *изидитѣ в срѣтенье емѣ с радостью* ‘Выйдите навстречу ему с радостью’.

2. Делокативные предложения, в которых заполнена позиция директива-старта – начальной точки движения, также достаточно регулярны в тексте памятника. Основным средством выражения делокативности являются беспредложные и предложные формы родительного падежа (последние более многочисленны):

а) примеры с предлогами *изз*, *ѿ* и *сз*, управляющими формой родительного падежа:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} изз N_{Gen}^{D-S}$ (инаблативное значение): *изз шреѣва мѣрн родихъѣв* ‘Я из чрева матери родился’²;

² Данное предложение является единственным в выборке примером неизосемического заполнения предикатной позиции. Отнести ее к реализациям ТСС движения позволяет наличие локализатора, который в этом случае избыточен, так как делокатив инкорпорирован в семантику глагола.

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{w} N_{Gen}^{D-S}$.

- инаблативное значение: **Ѡко серна Ѡ тнѣтѣ извѣгъши** ‘Как серна, убежавшая от сети’; **Ѡ колка кля и тины вѣка сего извлече ѿ гѣи** ‘От какой грязи и тины этого века извлечет его Господь’;

- супераблативное значение – движение вверх с поверхности: **Къзносѣци Ѡ земля оубога и Ѡ гнонца** ‘Возносящую от убогой земли и нечистот’;

- апудаблативное значение: **Не ѡтѣпи Ѡ мѣста** ‘Не отступи от места’; **Ишееть трава и цвѣтъ еѣ ѡпадетъ** ‘Высохнет трава, и цветок ее отпадет’;

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} \bar{c}z N_{Gen}^{D-S}$ (иллативное значение): **вндѣхъ сотонѡ ѿко молню с нѣесъпадъши** ‘[Я] видел сатану, упавшего с небес, как молния’;

б) беспредложные формы родительного падежа встречаются в позиции локализатора в ограниченном круге примеров, где в роли директива-старта выступают обозначения лиц или группы лиц:

$N_{Nom}^{Ag} V_f^{Mot} N_{Gen}^{D-S}$ (апудаблативное значение): **Издн мрзъкъхъ** ‘Уйди от мирских [людей]’; **рѣѡ ѡтѣпнѣи влѣкы** ‘Рабу отступить от владыки’.

Конструкции со значением *ориентированного* движения представлены единичными примерами:

[жнтьѣ ѣ] ѿко конь ѿкоръ мнмо течеть ‘[Эта жизнь] бежит мимо, как быстрый конь’ (позиция локализатора замещена наречием *мимо*); **Обходѣ кельѣ мнхѡмъ** ‘Обходя кельи монахов’ (ориентир выражен существительным *кельи* в форме винительного падежа без предлога).

Таким образом, в средствах выражения динамических пространственных отношений церковнославянская языковая система обнаруживает существенное сходство с системой современного русского языка: для выражения значения направления и пространственного предела используются, прежде всего, предложные формы винительного падежа, а также дательный падеж с предлогом *къ*; основным средством выражения значений направленного движения из

исходной точки являются предложные формы родительного падежа [Золотова, 2001]. Однако среди адлокативных конструкций встречаются также структуры, уникальные для церковнославянского языка, как то: конструкции с беспредложными формами родительного падежа, маркирующими особый тип исходной точки – лицо или группу лиц, т. е. одушевленный «локализатор». В современном русском языке такое управление сохранилось при ограниченной группе глаголов с семантикой избегания (*избегать, сторониться людей*).

Из перечисленного выше набора частных динамических пространственных значений в тексте памятника получают выражение следующие: иллативное (‘внутри локуса’) в форме **вз** N_{Acc} ; суперлативное (‘на поверхность локуса’) в форме **на** N_{Acc} ; адлативное (‘к боковой поверхности локуса’) в форме **къ** N_{Dat} ; апудлативное, осложненное введением дополнительного параметра ‘движение’ для локуса, (‘по направлению к движущемуся локусу’) в формах **вслѣдъ** N_{Dat} , **в срѣтѣньѣ** N_{Dat} ; инаблативное (‘изнутри локуса’) в формах **сз** N_{Gen} , **нзъ** N_{Gen} ; супераблативное (‘с поверхности локуса’) в форме **отъ** N_{Gen} ; апудаблативное в формах N_{Gen} и **отъ** N_{Gen} . Можно заключить, что делокативные значения в большинстве своем имеют регулярные, устойчивые средства выражения, в то время как для адлокативных моделей характерны синонимия и многозначность конструкций, что, как правило, объясняется сочетаемостными особенностями лексем, заполняющих позиции актантов (закрепленное в узусе церковнославянского языка употребление форм *на небеса* и *сз небезъ* для передачи значений ‘движение внутрь / изнутри’), или выражением некоторых семантических оттенков (оппозиция апудаблативных моделей по признаку одушевленности / неодушевленности локализатора).

Неизосемические реализации ТСС движения

Так как пространственное значение является одним из базовых в языковой картине мира, оно часто становится основой для ме-

тафорических переносов семантики направленности и динамичности в другие сферы. Трансформации такого рода происходят вследствие замещения позиций субъекта и локализатора неизосемическими компонентами либо за счет заполнения позиции предиката глаголами разных ЛСГ, что обуславливает перенос семантики конструкции в целом из физической сферы в психическую, социальную, интеллектуальную, эмоциональную или духовную. Далее мы подробнее рассмотрим процессы трансформации для каждой из сфер.

В реализациях ТСС движения в *социальной* сфере в качестве предиката выступают глаголы со значением направленного движения – производные от *ити*; позицию директива-финиша занимают существительные со значением ‘христианское сообщество, институт’ (*монашьство, чернечство, общежитие*) в форме винительного падежа с предлогом *вз*. На сохранение пространственной семантики в подобных конструкциях указывает тот факт, что в примерах этой группы, в отличие от всех прочих, движение субъекта, как правило, описывается относительно двух точек: помимо директива-финиша, заполненной оказывается и позиция директива-старта. Последнюю замещают непредикативные конструкции в форме родительного падежа с предлогом *ѿ* с пропозиционным значением, описывающие социальное положение, от которого субъект отказывается в пользу монашества:

и внижешн вз общежитие ‘И войдешь в общежительство’³; *аще же кто ѿ великаго оутанка придетъ вз чернечство* ‘Если же кто-то от большого имущества придет в монашество’; *егда бо придетъ кто ѿ свѣтнаго житья* ‘Когда кто-то придет [в монашество] от суетной жизни’; *тѣмъ же и ѿ меншаго житья градѹчимъ* ‘Тем же, идущим от более бедной жизни’; *аще ключитѣи которомѹ братѹ прити вз мншьское житие ѿ како*

токмо вни ‘Если приключится кому-то прийти в монашескую жизнь только от некоего преступления’.

Реализации ТСС в *психической* сфере представлены единичными примерами предложений с семантикой фиктивного движения, описывающих ситуацию, в которой взгляд субъекта направлен на объект [Падучева, 2004. С. 231]. Предикат в таких случаях является глаголом зрительного восприятия; объект же, как правило, идеальный, находит выражение в имени абстрактной семантики в форме винительного падежа с предлогом *на*: *Коззи же на первыи роды* ‘Посмотри же на первые роды’.

При переносе в *эмоциональную* сферу исходная пространственная семантика трансформируется в идею смены внутреннего состояния человека. В ряде случаев лексическое значение глагола в позиции предиката эксплицирует внезапность (*напачти, впаити*) или интенсивность (*обонити*) этого процесса, однако употребительны и глаголы, не выражающие дополнительных экспрессивных значений и припропозитивных смыслов (*здмлачнѣа, преходити*).

Одна из непредикатных позиций замещается именем с пропозициональной семантикой эмоционального состояния, другую занимает наименование лица, предложения становятся неэлементарными. В большинстве случаев лицо является директивом-финишем движения субъекта, выраженного абстрактным существительным со значением эмоционального состояния. Метафоричность такой трансформации заключается в представлении носителя некоторого душевного состояния менее активным участником ситуации, чем само состояние. Тем самым подчеркивается неконтролируемость возникновения последнего и его относительная автономность от носителя. Основным средством выражения отношений такого типа являются предложные и беспредложные формы винительного падежа в позиции локализатора: *нападѣ на ма стѣрхъ* ‘Напал на меня страх’; *Како стѣрѣтъ обншла етъ* ‘Как обошла [кого-то] страсть’.

Другой блок примеров составляют многочисленные неЭПП, в которых субъектом движения является лицо, позицию же локализатора занимает имя в форме вини-

³ *Общежительство* – устройство монастырской жизни, при котором монахи не имеют личной собственности, принимают участие в общих богослужениях, монастырских работах, трапезах и т. п.; монастырь с таким устройством [СРЯ, 1987. Вып. 12. С. 193].

тельного падежа с предлогом *въ*, обозначающее эмоциональное состояние. Механизм метафоризации в этом случае заключается в проецировании внутреннего состояния человека на внешнюю среду его существования: *Всѣмъкон дѣи прѣхѡдѣшии в покланнїе* ‘Всякой души, вступающей в покаяние’; *Да не впадеть въ дѣхъ гордын и непокорныи* ‘Да не впадет в гордый и непокорный дух’.

Данный механизм является универсальным способом трансформации ТСС с пространственной семантикой: заполнение позиции локализатора именем, репрезентирующим в свернутом виде пропозицию, может вызывать перенос ситуации в различные сферы, в зависимости от особенностей семантики последнего. Напротив, замещение позиции субъекта именем с пропозиционной семантикой характерно только для неЭПП, реализующих ТСС движения в эмоциональной сфере.

Наиболее частотны в тексте памятника реализации ТСС движения и перемещения в *духовной* сфере; они могут быть представлены как элементарными, так и неэлементарными предложениями.

В ЭПП перенос ТСС в духовную сферу может достигаться путем замещения позиции локализатора наименованием одной из ряда реалий христианской культуры, обладающих конкретно-предметной семантикой, но не имеющих физического воплощения, как, например, *богъ*, *господь*, *дьяволъ*, *лѡкльвыи*, *бѣси*, *мнгѣлы*. Пространственная семантика при этом сохраняется. В позиции локализатора могут выступать существительные в формах винительного и дательного падежей с предлогами, а также беспредложных дательного и местного, употребление которых в ТСС движения нетипично: *Да вселитѣся в чѣ дѣхъ бѣи* ‘И вселится в тебя дух Божий’; *Ты самъ прѣхѡдиши къ гѣхъ* ‘Ты сам приходишь к Богу’; *Ико истинный бѣхъ пришелъ кѣи* ‘Как [ты] пришел к истинному Богу’; *И жнвотъ мон дѣхъ приближилъ* ‘И жизнь моя приближалась к аду’.

Для неЭПП, реализующих ТСС движения в духовной сфере, трансформация связана с появлением в позиции директива-

финиша имен с пропозиционной семантикой, которые в большинстве случаев выражают предельно общую идею состояния человеческой души через фундаментальные оппозиции «жизнь – смерть», «спасение – гибель», «благо – зло», в форме винительного падежа с предлогом *на* или, в более редких случаях, *въ*. Пространственная семантика в подобных конструкциях сохраняется только в виде идеи направленности действий субъекта на результат – достижение определенного душевного состояния, которое может быть как желательным, так и нежелательным (ср: *покон*, *благои* и *зло*), как произвольным, так и непроизвольным (ср: *оупѣхъ* и *гыѣль*). В отличие от рассмотренных выше неЭПП со значением изменения эмоционального состояния, для данного типа характерны предикаты со значением поступательного однонаправленного движения без каких-либо экспрессивных оттенков (*ити*, *донти*, *прѣхѡдити*, *прѣтекати*, *гратѣи*, *погрѣзнитѣся*): *И шедъ на спѣсение* ‘И пошел на спасенье’; *Прѣхѡдѣ стѣпени иже на оупѣхъ* ‘Переходя ступени на успех’; *Прѣтекъ на бѣгои* ‘Пришел на благое’; *Да сподобимѣя [...] донти въ вѣчныи покон* ‘Да удостоимся дойти в вечный покой’; *Погрѣзнитѣся сами хотѣще въ мнозѣ злѣ* ‘Сами желая погрузиться во многое зло’.

Таким образом, в тексте памятника ТСС движения используются для передачи широкого круга смыслов, как пространственных, так и связанных с идеей изменения состояния. Случаи метафорического переноса настолько частотны, что количественно превосходят примеры, где исходная семантика сохраняется в полной мере. Соотношение реализаций ТСС движения в различных сферах (%):

- физическая – 34;
- психическая – > 1;
- социальная – 14;
- эмоциональная – 10;
- духовная – 41.

Таким образом, в тексте исследуемого памятника наблюдается регулярный перенос семантики движения в духовную и эмоциональную сферы. Конкретные механизмы метафоризации, как правило, основываются

на замещении позиций субъекта или локализатора существительным с абстрактным значением. Приведенные материалы подтверждают гипотезу о том, что для неэлементарных предложений с семантикой движения характерна «замкнутость» в субъекте, т. е. описание ситуаций, в которых субъект является единственным действующим лицом и в фокусе находится его внутренний мир [Кошкарёва, 2005. С. 93]. Исключение представляет социальная сфера, которая, являясь одной из внешних, регулярно получает выражение в ТСС движения – данная особенность характерна и для современного русского языка. Кроме того, требует подробного описания комплексная и неоднородная духовная сфера, события которой могут репрезентироваться ТСС движения как с характерным для метафорических переносов осложнением семантики, так и без него.

Список литературы

Жолобов О. Ф. Корпус древнерусских списков Паренесиса Ефрема Сирина. I: РГАДА, СИН. 38 // *Russian Linguistics*. 2006. Vol. 31. No. 1. P. 31–59.

Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. М., 2001.

Кошкарёва Н. Б. Синтаксические средства выражения пространственных отношений (на материале уральских и тунгусо-маньчжурских языков Сибири) // Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири / Под ред. Н. Н. Широковой. Новосибирск, 2005.

Кошкарёва Н. Б. Типовые синтаксические структуры и их семантика в уральских языках Сибири: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2007.

Москалева Л. А. Графико-орфографические и фонетические особенности Паренесиса Ефрема Сирина по рукописи РНБ, погод. 71а ок. 1289 г. Казань, 2006.

Мельчук И. А. Курс общей морфологии. М.; Вена, Т. 2. 1998.

Новак М. О. О лексических решениях в славянском переводе Паренесиса прп. Ефрема Сирина // Православный собеседник. Альманах Казанской духовной семинарии. Казань, 2008. Вып. 2 (17).

Огрен И. Паренесис Ефрема Сирина. К истории славянского перевода. Uppsala, 1989.

Огрен И. К проблеме использования печатных изданий греческих текстов при исследовании древних славянских переводов. На примере славянского перевода Паренесиса Ефрема Сирина. Uppsala, 1991.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Срезневский И. И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках. СПб., 1867. Вып. 1.

Список словарей

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. / РАН, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Наука; Азбуковник, 1975–2011. Вып. 1–29.

Материал поступил в редколлегию 12.04.2012

V. A. Gorbunova

TYPICAL SYNTACTIC STRUCTURES WITH MOTION SEMANTICS IN «PARAENESIS» OF EPHRAEM SYRUS

The article discusses the means of expressing dynamic topological relations in Old East Slavic language, as represented in «Paraenesis» of Ephraem Syrus (the copy dated to the XIV century), in comparison with contemporary Russian language, proceeding to describe metaphorical processes that cause semantic transformation.

Keywords: modeling of simple sentence, typical syntactical structure, topological relations, Old East Slavic.